

ЗА ТЕХ, КТО НЕ ДОЖИЛ, НАДЕНУ СВОИ ОРДЕНА...

Григорий Поженян - один из ведущих современных русских поэтов. На всех его книгах лежит печать таланта. Он - лауреат Государственной премии. Стихи его не только с интересом читаются, но и поются. На фронте Григорий Поженян был разведчиком в морской пехоте. Он капитан третьего ранга в отставке.

- Григорий Михайлович, еще в мае, в канун 50-летия Победы, я хотел побеседовать с тобой как с фронтовиком и поэтом, но мне показалось, что ты как-то ловко от разговора всячески увиливал. Так ли это?

- Заявление, не лишнее основания. Разрешить узнать, почему?

- Я не люблю ни саморекламы, ни самобичевания, ни публичных, сердечных признаний. А без них выползает наружу второй план: сверхзадача...

- Меня в основном интересует твоя война, отношение к ней спустя 50 лет и ряд чисто профессиональных вопросов, связанных с литературой: прошлых лет и, естественно, современной.

- Что ж, как сказано не мной: начнем, пожалуй...

Итак, война... Я уже не раз говорил, что как это ни парадоксально, война была лучшим временем моей жизни. Она была справедливой. Никогда потом я не испытывал такой своей необходимости, незаменимости, единственности. Такой дружбы и способности к самопожертвованию...

У нас, у разведчиков, шел естественный, саморегулирующий природный отбор: если армянин - лучший, узбек - храбрейший, еврей - отрешенный... Все были храбры, сильны, молоды и высокопрофессиональны. Раненые возвра-

щались в разведку, а не искали окольные пути для выживания. Мои «старички» - командиры (они были максимально старше на десять лет) думали не о себе, не о чинах и орденах, а о потерях. Все незаменимы. Страх скрывался и преодолевался постоянством усилий.

- Многие товарищи остались в живых? На войне, после войны?

- На войне - немногие. После войны из моих близких друзей - никто.

- Как тебе живется?

- Почти бессмысленно. Удерживают от антиобщественного поступка стихи. Не сын. Он взрослый, серьезный, сильный, высокопрофессиональный человек. Не долг - неясно, во имя чего жить, куда идем, зачем, почему перестали быть гордыми... Предали моря, корабли, традиции, прошлое. Лжем, топчемся на месте, заискиваем... Не любим свой народ... Грустно!

- Ты когда-то рассказывал о своем учителе жизни - командире разведки, помнишь?

- Конечно. Он на доклад: «Мы окружили!» - отвечал: «Не преувеличивайте». А на: «Мы окружены!» - так же непреклонно: «Не преувеличивайте!». Я не преувеличиваю и не слушаю красоты. Из-за отсутствия площади - не объясняю, а точнее, не обнажаю сущность предмета...

- Ты много раз был ранен?

- Три раза. В обе ноги, в руку, осколочное ранение в спину и в голову. Тяже-

лой была контузия правой части тела. С потерей речи.

- Где было сложнее всего воевать?

- Там, где холодно, где почти что не видно врага, а расстояния в тыл противника - огромные. В 67-й морской бригаде, на Лухском направлении.

- И туда тебя забросила война?

- В первые два года на Черном море мы все сдали, что могли. И

Одессу, и Севастополь. Помнишь мои старые стихи:

*Мы отошли, точнее сдали.
Как странно было б знать тогда,
Что будут нам ковать медали
За отданные города.*

- Я знаю, ты щедро награжден...

- У меня много орденов и медалей. Есть главные: орден Красного Знамени, два Отечественных, две «звездочки». Но получил я их не за то, что хотел. И вообще, если говорить как на духу, ордена, если подшутить или разрешить себе быть не самим собой, можно было в последние два года «наполучать», как говорится, «от пуза». Рядовые, застенчивые, не страдающие тщеславием мало награждались. От случая к случаю. Однажды по просьбе капитана первого ранга Державина я написал наградной лист (не скажу, на кого). Так художественно написал, что он получил звание Героя Советского Союза.

У летчиков был своеобразный «прейскурант»: столько-то вылетов - то-то. Сбил столько-то самолетов - получай. А у нас хоть каждый день таскай «языки» и взрывай мосты - «прейскурант» строго не соблюдался. А сколько людей забытых, затертых льдами равнодушия, сколько случайностей (в ту или иную сторону). Один мой товарищ, хороший поэт, написавший строку: «Как жаль, что я до фронта не доехал», - первый получил билет инвалида Отече-

ственной войны. А знаменитый детский писатель Иосиф Дик (царство ему небесное), потерявший на войне кисти обеих рук, каждый год ходил на переосвидетельствование и кричал: «Вы думаете, что за этот год у меня отросли руки?»

- Страшно было на войне?

- Всегда. Я думал, что привыкну. Но в основном страшно «до» и «после». Когда начинается дело, думаешь уже о другом. Когда возвращаешься, с тревогой ждешь следующей разведки. В паре ходить сложно. Боишься, что его убьют, а одному воевать - слишком просторно. Посылать людей на «безнадегу» - страшно. А не посылать - нельзя: приказ. Прощитаешь все детали - шансов вернуться мало. Назначаясь, а у самого мороз по коже... А еще тяжело лежать на нарах и думать: «Неужели эта война никогда не кончится?»

- А конца войны ждал с нетерпением?

- Об этом я не думал. Думал о том, что победу могут присвоить себе другие. Я кончил войну в неполные двадцать три. Я с 1922 года рождения. Знал, что какое-нибудь ничтожество, поучая меня жить, воскликнет: - Товарищ Поженян! - посадив голос укоризны на грудь.

- С тобой это случалось?

- Сколько раз... Дважды из института исключали. Из комсомола. Репрессированным отцом попрекали, мол, знаем откуда ноги растут. А мой отец был настоящим коммунистом. Строил Харьковский тракторный завод, но у нас в доме - щепочки не было. Мать просила отца: сын замерзает. Отец жестко отвечал ей, да простит его господь за казенные слова: «Если коммунисты будут носить домой чужое (общее он имел в виду), мы светлого будущего не построим»...

Мы подавились этим коммунистическим будущим. Подавились и капиталистическим настоящим. Но наш народ виноват лишь в своем законопослушании. Простояли полки на Сенатской. Промолчали и в сталинские, и в хрущевские, и в брежневско-михаилсергее-

вические времена... «Опростались» и расплатились за это сполна. А оставшиеся в живых ходят с протянутой рукой пусть не в прямом, а в переносном смысле этого слова: и инвалиды войны, и ветераны, и «афганцы», и жертвы войны в Чечне.

- Опять преувеличиваешь!

- Преуменьшаю... Мой товарищ, уехавший в Израиль инвалид войны, получает две сказочные пенсии: от израильяна и (от кого б ты думал?) от немцев. А мы?!

- Сколько у тебя книг вышло?

- Двадцать пять. Четыре фильма поставлено по моим сценариям. Около пятидесяти песен... Есть такой остров в Мировом океане: Сейбл. На дне его лежат сотни кораблей. От галионов викингов до судов двадцатого века постройки. Коварно дно с бегущими песками, средоточие контрастных ветров... Все съел Сейбл. Так съела все мной заработанное моя держава. Сын моего друга Тимура Гайдара тоже приложил руку. А сейчас уже надвигают и меня, размечая нищенские гонорары и выдавая скромную пенсию. Недавно, в победный год, я написал стихи, которые заканчиваются следующей строкой:

Под праздник, впервые за все

*Надену свои ордена... Пусть висят.
И слушают речи.*

*От имени тех, кто убит, кто затих,
И тех, кто пока что остался в живых,
Я молча отечу.*

- Судя по интервью, не совсем молча.

- Молча по сравнению с тем, что должно сказать?!

- Григорий Михайлович, прости за нескромный вопрос: у тебя много близких друзей писателей уехали: Аксенов, Максимова, Гладиллин, Владимов, Войнович, прекрасный художник Борис Биргер, артисты Козаков, Никулин. Ты когда-нибудь думал об отъезде?

- Остаться, как уехать - вот беда.

Уехать, как остаться навсегда.

Это тоже из последних стихов. Я не только не осуждаю своих друзей. Я

знаю до подробностей ситуацию отъезда каждого. Почти всех изгоняли, выселяли, избавлялись от них. Некоторые, доведенные до отчаяния, держались, как Антей за последний клочок своей земли...

У меня судьба сложилась в этом смысле более облегченно. Теперь проще, чем тогда, у меня мог бы без судистых разрывов возникнуть вопрос: а что если на царскую-то пенсию инвалида и героя войны с фашизмом уехать, пока ташу ноги, чтобы дописать роман о «времени и о себе». Никогда! Там для меня нет ничего. Все - здесь. И «отеческие гроба», и отцовский. И холмы земли своей, какой-никакой, а своей. Я не русский человек, но русский поэт. Беда русского народа сделала меня русским человеком. Армянский «хач кар» (каменный крест) вперые, после всех армянских бед, стал для меня армянским крестом. Еврейские погромы в роду моей матери (я о них от нее никогда, к сожалению, не слышал) впервые начали звучать в моих ушах, удвоенные и утроенные нацистскими воплями. Мой Севастополь, почетным гражданином которого я являюсь, в беде! Моей Одессе, где на улице Пастера, 27 золотом на мраморе выбито мое имя среди моих погибших друзей, выкручивают руки чужие люди. Мои украинцы (украинская женщина спасла мне жизнь). На чердаке, где она меня прятала, я читал шевченковский «Кобзарь»: «Там батько плачучи з дитми, а ми мали були и голи». Мои украинцы, повторяю, сошли с ума и никак не могут понять, что русские и украинцы - два пальца одной измученной руки...

- Вот почему мое место - здесь. Только здесь - все мое: и мое солнце, и мои матчи на корабельной стороне и в Стрелецкой бухте. И улочка Зеленый тупик в Перелескине, с кладбищем по соседству, где теперь уже вечно живет великий Борис Пастернак...